

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ: ФАКТОР ПРОМЫШЛЕННЫХ ПАРКОВ (на примере областей ЦФО)

Д. Н. Нечаев, О. Р. Любкина

Воронежский филиал Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Воронеж, Россия

Индустриальные и промышленные парки в субъектах Российской Федерации, с одной стороны, предстают в научных исследованиях и управленческих практиках как институт устойчивого развития территорий и как механизм региональной государственной промышленной политики. С другой стороны, они выступают как объект, который проектирует институт государства, обеспечивая его государственной поддержкой на разных этапах становления и функционирования. В российских регионах индустриальные и промышленные парки интегрированы в процесс реализации региональной государственной промышленной политики, оказывая посредством имеющихся образцов и практик существенное влияние на федеральную политику в промышленном комплексе. Сама же двухуровневая (федеральный и региональный) государственная политика обретает системность и комплексность, способствуя приращению валового внутреннего продукта, появлению высокооплачиваемых рабочих мест, обретению конкурентоспособности промышленной продукции России на внешних рынках. В статье показано, что институт индустриальных и промышленных парков имеет количественное и качественное измерение. На начало июля 2021 г. в регионах Российской Федерации насчитывалось 179 индустриальных и промышленных парков, в стадии создания находилось 99 парков. В процессе институционализации и развития они стали ключевым механизмом продуктивных изменений в промышленном комплексе. Кроме того, они оформились как массовый феномен при реализации государственной промышленной политики. Авторами обосновано, что парки в ракурсе региональной государственной промышленной политики решают три задачи: 1) преодоления негативных последствий деиндустриализации; 2) реиндустриализации территорий; 3) осуществления политики новой индустриализации.

Ключевые слова: институты развития, индустриальные и промышленные парки, регионы, промышленный комплекс, инновации.

INSTITUTIONAL CHANGES IN STATE POLICY OF RE-INDUSTRIALIZATION AND INDUSTRIALIZATION OF REGIONS IN RUSSIA: THE FACTOR OF INDUSTRIAL PARKS (illustrated by regions of the Central Federal district)

Dmitry N. Nechaev, Olga R. Liubkina

Voronezh Branch of the Plekhanov Russian University of Economics,
Voronezh, Russia

Industrial and production parks in entities of the Russian Federation, on the one hand, act in research and managerial practices as the institution of sustainable development of the territory and as a mechanism of regional state industrial policy. On the other hand, they function as a project, which devises the institute of state and supports

it on different stages of establishment and operation. In Russian regions industrial and production parks are integrated into the process of pursuing regional industrial policy by affecting through available samples and practices the federal policy in the industrial complex. Two-level state policy (federal and regional) itself obtains systematic and complex character, which fosters an increase in GDP, creation of highly-paid jobs and attaining competitiveness of manufactured goods of Russia on foreign markets. The article shows that the institute of industrial and production parks possesses both qualitative and quantitative estimation. In early July 2021 there were 179 industrial and production parks in regions of the Russian Federation and 99 parks were being established. In the process of institutionalization and development they became a key mechanism of productive changes in the industrial complex. Apart from that they were shaped as a mass phenomenon in pursuing state industrial policy. The authors proved that parks in view of regional state industrial policy can resolve three tasks: 1. Overcome negative consequence of de-industrialization; 2. Provide re-industrialization of the territory; 3. Pursue policy of new industrialization.

Keywords: institution of development, industrial and production parks, regions, industrial complex, innovation.

Введение

В период 2010-х гг. в научном и прикладном дискурсах постсоветской России были актуализированы вопросы индустриального развития страны и ее регионов, эффективности государственного управления в отраслях и сферах, государственной промышленной политики на федеральном и региональном уровнях. Это стало следствием осознания глубоких провалов рынка и государственного управления в период 1990-х и начала нулевых годов, выразившихся в масштабной деиндустриализации страны и ее региональных территорий. Данная проблематика индустриального развития получила новый импульс после 2014 г. в условиях агрессивного внешнего давления и экономических санкций в отношении Российской Федерации со стороны стран Запада.

В числе важнейших задач в политической повестке дня российского правительства, органов власти и управления региональных территорий были поставлены следующие вопросы: во-первых, разработка и принятие общенационального и субнационального законодательства о промышленной политике; во-вторых, внедрение инноваций в производство и управление, осуществление технологической модернизации промышленного комплекса; в-третьих, тиражирование и масштабирование институтов развития: особых экономических зон (ОЭЗ), территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРов), индустриальных и про-

мышленных парков; в-четвертых, вопросы отраслевого импортозамещения.

Решение этих задач диктовалось вопросами обеспечения национальной безопасности страны, стабильностью и устойчивостью политической системы. В этой связи в плане понимания процессов реиндустриализации и новой индустриализации в субъектах Российской Федерации, качества промышленной политики в стране и в ее регионах, выстраивания прогнозов социально-экономического развития на среднесрочную и долгосрочную перспективу чрезвычайно важно видеть роль и значение институтов развития как механизмов и инструментов позитивных трансформаций в промышленном комплексе. В данном ракурсе исследования проблематики промышленного развития субъектов Российской Федерации необходимо операционализировать такие понятия, как «государство», «региональная власть», «государственная промышленная политика», «индустриальные и промышленные парки», «государственная поддержка», «эффективность региональной политики».

Методология

Научное исследование базируется на институциональном подходе, основных положениях теории изменений (К. Левин, К. Вайс, Д. Коттер), теории институтов и институциональных изменений (Д. Норт, О. Уильямсон, В. М. Полтерович, А. Е. Городецкий), позволяющих рассматривать активную роль государства, проектирующего институты для экономического раз-

вития страны и ее территорий. В рамках теории изменений Кэрол Вайс, где особое место отводится программам и политике [20. – С. 3], акцентировано внимание на том, что каждый институт (включая индустриальные и промышленные парки) и каждый механизм государственной политики должны определять позитивное изменение в отраслях и сферах жизнедеятельности.

Не менее важное значение в представляемом исследовании отводится теории модернизации (У. Ростоу, Т. Парсонс, А. П. Заостровцев) как альтернативе экономической отсталости (А. Гершенкрон), в разрезе которой авторы исследуют уровень промышленного развития России и ее регионов, качества государственной промышленной политики (Ф. Доббин, М. Пангесту, Е. М. Бухвальд, А. О. Блинов). При этом авторы соотносят процессы модернизации и функционирования институтов развития в территориях с концептами четвертой промышленной революции (К. Шваб, А.-В. Шеер), пятым и шестым технологическими укладами (Г. Б. Клейнер, В. М. Авербух).

Регионы, региональное пространство и уровень промышленного развития: типология областей ЦФО

Британский социолог и политолог Б. Джессоп, рассматривая сущность государства через трехэлементный подход европейской научной традиции, видит в ней следующую конструкцию. В разрезе конституционного подхода – это аппарат (символический и административный), который наделен специфическими и общими полномочиями, включая регулирование процессов в отраслях и сферах. В ракурсе юридического подхода – это территория со своими регионами и со специфической организацией в них производственной и общественной жизни. В контексте теории государства – это население, для которого политическая власть создает условия в профессиональной и иной деятельности. При этом решения государства для этого населения являются обязывающими. Ядро

госаппарата, по мысли Б. Джессопа, образует некий унитарный комплекс (ансамбль) укорененных в социуме, регулируемых этим же государством институтов и организаций [3. – С. 113].

Применительно к постсоветской России, для которой были характерны радикальные трансформации 1990-х гг. в отраслях экономики (включая промышленный комплекс) и социальной сфере, роль старых и новых институтов в преодолении негативных последствий деиндустриализации, десайентизации и деинституционализации [6. – С. 34] стала особенно актуальной. Ведь, по оценке шведского экономиста и политолога, специалиста по странам СНГ и Восточной Европе С. Хедлунда, Россия 1990-х гг. – это «выдающиеся случаи системного провала» [15. – С. 17], провала государства и провалов рынка одновременно. Деиндустриализация представляла собой радикальный процесс ликвидации промышленных предприятий и массовое сокращение объема производства обрабатывающей промышленности (электроника, станкостроение, транспортное машиностроение и др.).

Процесс деиндустриализации, к примеру, способствовал потере рядом российских регионов индустриального статуса. По мнению исследователей Д. Н. Нечаева и Е. С. Селивановой, в макрорегионе Центральной России к 2010 г. оформился так называемый «ржавый пояс ЦФО» с 8 областями из 17 (Воронежская, Смоленская, Ивановская, Костромская и др. [9. – С. 82]). Не менее негативным процессом, следствием деиндустриализации, стало таргетирование отраслевой науки (десайентизация). В логической цепочке знаковых проблем промышленного комплекса стало и крушение старых институтов, гарантировавших устойчивую деятельность отечественных промышленных производств (процесс деинституционализации).

Для промышленного комплекса Российской Федерации и региональных пространств (географически системный ступок производств и коммуникаций в тер-

риториях [14. – С. 23]) период с 2000 по 2013 г. представляет собой сочетание трех противоречащих тенденций. С одной стороны, благоприятная экономическая конъюнктура (рост цен на энергоносители, увеличение импортной продукции) и укрепление вертикали власти, качества управления, обусловивших экономический рост и социальную стабильность в стране. С другой стороны, по инерции продолжающийся процесс деиндустриализации более чем в половине регионов Российской Федерации. С третьей стороны, это осознание политическим руководством страны необходимости широкой модернизации отраслей и сфер экономики, в том числе промышленного комплекса, в условиях «инновационной невосприимчивости российской экономики» [13. – С. 79].

Вместе с тем позитивные итоги модернизационных сдвигов в отечественной отрасли промышленности на середину 2014 г. – времени экономических санкций стран Запада в отношении России, которое в научном и прикладном политическом дискурсе рассматривается как вызов политической системе и политическому режиму, оказались достаточно скромными, а в субъектах Российской Федерации – контрастными. Кроме того, для общенациональной системы управления оформилась новая и острая проблема – межрегиональные различия в промышленно-экономическом и социальном развитии. Часть региональных территорий потеряла свой индустриальный статус и промышленную специализацию (к примеру, Ивановская область потеряла значительный сегмент производств в текстильной промышленности – основе промкомплекса). Другая часть регионов сохранила и модернизировала промышленные производства. В этих субъектах Российской Федерации появились новые (инновационные) предприятия в отрасли (например, в Калужской области оформились автомобильный и фармацевтический промышленные кластеры).

Вследствие наличия этих разнонаправленных трендов возникает принципиальный вопрос: в чем причина успеха и неудач, с одной стороны, промышленной модернизации национальных государств, а с другой – экономической модернизации регионов государств (субнациональный уровень), основу экономики которых составляет именно отрасль промышленности? Ответ на этот вопрос состоит в доказательной гипотезе социолога и политолога из США Р. Лахмана применительно к государствам. В рамках теории элит он подчеркивает, что несмотря на то, что модернизация представляет собой общемировой тренд, некоторые политические нации в значительной доле государств не создали модернизационных элит. Периферийные политики в системе центр – периферия, в которых доминировали отрасли сельского хозяйства и добыча полезных ископаемых, все больше отставали от индустриальных стран ядра [8. – С. 190]. На наш взгляд, научный подход Р. Лахмана к роли элит в индустриальной динамике политий возможно и необходимо ретранслировать и на объяснение контрастного социально-экономического (в особенности промышленного) развития субъектов Российской Федерации в период 2000-х.

Опираясь на данную научную теорию Р. Лахмана и используя эмпирические данные по макрорегиону Центральной России на середину 2014 г. (времени принятия профильного федерального закона о государственной промышленной политике), целесообразно представить и обосновать авторскую типологию групп областей ЦФО по уровню индустриального развития. Первая группа успешных территорий – это Калужская, Белгородская и Липецкая области. Для данных субъектов превалирует устойчивый экономический рост и позитивная динамика в промышленной отрасли при реализации стратегий новой индустриализации. В основе соотношения этих регионов ЦФО к успешной группе лежат три причины. Во-первых, в период 1990-х и в первом десятилетии

2000-х гг. органам государственного управления и предпринимательскому сообществу этих субъектов Российской Федерации удалось обеспечить сохранность абсолютного большинства промышленных предприятий для технологического перевооружения. Во-вторых, региональные власти воспользовались благоприятной экономической конъюнктурой и «путинской стабильностью» для становления новых институтов в экономике, которые нарастили индустриальный потенциал данных субъектов Российской Федерации. В-третьих, сильная бюрократия, способная осуществлять проекты развития, таргетировала усилия хищнической части правящего слоя (по Р. Лахману) в их рейдерских захватах промышленных производств с последующим их перепрофилированием.

Вторая группа областей ЦФО представляет собой территории активной реиндустриализации (6 регионов, в том числе Московская, Курская, Тульская, Ярославская, Рязанская, Тамбовская области). Основными критериями авторов для включения данных территорий в эту группу являются представляемые аргументы. С одной стороны, в данных регионах проходивший процесс деиндустриализации не имел масштабных негативных последствий для отрасли региональной экономики. С другой стороны, органы власти и управления купировали риски и угрозы промышленного комплекса региона содержательной политикой технологической модернизации старых производств и созданием новых. Третья группа регионов связана с территориями, в которых происходил масштабный и болезненный процесс деиндустриализации и деинституционализации. Это такие регионы ЦФО, как Воронежская, Ивановская, Орловская, Костромская, Брянская, Владимирская, Смоленская и Тверская области. После 2014 г. с принятием федеральных и региональных законов о промышленной политике органы государственного управления этими территориями посредством ряда институтов развития, включая индустриальные и

промышленные парки, реализуют фактическую реанимацию промышленной отрасли.

Институты, сущность институциональных изменений в промышленной политике субъектов Российской Федерации

Новая индустриализация (группа успешных регионов), реиндустриализация (регионы-середняки) и преодоление негативных последствий деиндустриализации (территории стратегического отставания в промышленном развитии) – суть и направленность региональной государственной промышленной политики в 2014–2021 гг. Именно с учетом региональных практик формировалась и реализовывалась государственная промышленная политика на федеральном уровне, которая включает в себя также ценности четвертой промышленной революции (материальные инновации, ставшие следствием научных открытий и интеракционизма между разноплановыми технологиями: от цифровизации до синтетической биологии [16. – С. 20]), или индустрии 4.0 (умные фабрики, программно-интенсивные производственные системы, цифровым драйвером которых является самоконтроль фирмы [17. – С. 75]). Кроме того, приоритетным направлением промышленной политики на общенациональном и субнациональном уровнях становится необходимость перехода промышленных предприятий к пятому и шестому технологическим укладам.

На наш взгляд, государственная промышленная политика Российской Федерации базируется на целесообразности институциональных изменений, которые американский экономист Д. Норт оценивал как сложный процесс, в результате которого происходят существенные изменения в правилах и нормах, в категоричных неформальных ограничениях (к примеру, в нулевой толерантности к коррупции), а также в подходах и эффекте принуждения к соблюдению правил и ограничений [11. – С. 21]. Перекладывая эту теорию

Д. Норта на императив промышленного развития, стоит отметить, что в рамках промышленной политики необходима связь институтов и организаций (на этот фактор также указывал Д. Норт). Ведь институты производят и воспроизводят возможности в индустриальном развитии территорий, а организации формируются для использования данных возможностей. В итоге результатами институциональных изменений становятся блокировка негативных сценариев промышленного развития (например, высокая доля коррупции при осуществлении индустриальных проектов) и появление набора новых возможностей (наравне с индустриальным развитием и социальное развитие территорий).

Отечественный исследователь А. Е. Городецкий отмечал, что в 1990-е гг. отсутствовали сами институциональные преобразования в экономике, в том числе и в промышленном комплексе. И лишь в 2000-е гг. российским правительством стали осуществляться институциональные реформы [2. – С. 302], которые обусловили институциональные изменения в реальном секторе экономики.

Рассматривая сущность государственной промышленной политики в Российской Федерации, логично обратиться к определению политики как таковой. Американский политолог Д. Истон видит в политике процесс принятия решений определенного спектра, которые значительная часть членов социума считает для себя обязательными [См.: 1. – С. 3].

Разумеется, суть государственной промышленной политики и промышленной культуры в зависимости от типа политических культур имеет свои национальные особенности. К примеру, в странах Запада (по оценке социолога и ведущего специалиста по промышленным стратегиям национальных государств Ф. Доббина) парадигма промышленной политики рассматривалась как эволюционный и последовательный процесс, предполагающий инновации и фальстарты, ошибки и успехи. При этом политические нации госу-

дарств Запада (участническая политическая культура), по мнению данного исследователя, наделяли смыслом институты развития, которые, выступая в качестве инструмента, реализовывали модернистский проект прогресса территорий [4. – С. 62].

Совершенно иное дело – отечественная традиция государственной промышленной политики (подданническая политическая культура). Процессы в промышленной отрасли в течение 150 лет либо происходили по типу маятника (от технологической отсталости посредством рывка к определенным инновациям), либо носили спиралевидный характер (повторение старого на новом уровне). При этом промышленная политика в постсоветской России до 2014 г., как отмечается в работе коллектива авторов под руководством Е. Б. Ленчук, имела ряд существенных особенностей, которые нуждались в кардинальной трансформации и в ином крене на вовлечение инвестиционно-промышленного потенциала российских регионов [10. – С. 13].

Первая особенность состояла в недооценке необходимости проведения собственной промышленной политики как таковой (отсутствие отраслевой политики).

Вторая особенность – направление экономической политики государства на создание условий для прихода потенциальных инвесторов, готовых вкладывать средства в создание промышленных производств. При этом акцент в осуществлении государственной политики был сделан не столько на промышленном росте, сколько на абстрактном экономическом росте.

Третья особенность была ориентирована на роль государства в поддержке предпринимательства. Такой подход на рубеже 2010-х гг. привел к структурной и технологической деградации отраслей реального сектора экономики, включая отрасль промышленности.

В 2014 г. произошла смена парадигмы промышленной политики Российской Федерации, которую логично сформулировать как неявную промполитику, на поли-

тику новой индустриализации, которая предполагала сочетание комбинаций институционализации новых индустрий и новых индустриальных технологий с модернизацией старых промпроизводств на инновационной технологической основе.

Государство с его институтами провело «работу над ошибками», преодолевая собственные провалы и провалы рынка. В частности, были реанимированы старые институты: осуществлялась господдержка проектов в промышленности, принято промышленное законодательство (федеральный закон был утвержден в 2014 г.), государственные структуры перешли к планированию, в государственной политике дозированно вводились нормы протекционизма и ответных экономических санкций. Профильное промышленное законодательство было принято и в регионах Российской Федерации с 2015 по 2018 г.

В 2015 г. были приняты промышленные законы в Брянской, Владимирской, Орловской, Тульской и Ярославской областях; в 2016 г. – в Белгородской, Ивановской, Курской, Московской, Тамбовской и Тверской областях; в 2017 г. – в Смоленской области. Для сравнения: еще до принятия федерального закона о государственной промышленности профильные региональные законы функционировали в Калужской области (принят в 1999 г., дополнен новым законом в 2018 г.), в Липецкой области (2001 г.), в Рязанской области (принят в 2006 г., дополнен новым законом в 2016 г.), в Костромской области (2013 г.).

Для экономического (в том числе промышленного) и социального развития государство создает (конструирует) и «выращивает» спектр новых институтов, которые вместе с бизнес-сообществом использует для экономического роста и пространственного развития. В преодолении деиндустриализации и промышленной разрухи на федеральном уровне в период 2000-х гг. были созданы такие институты, как особые экономические зоны (ОЭЗ) промышленно-производственного и технико-внедренческого типа, территории

опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРы), индустриальные и промышленные парки. Эта модель взаимодействия (интеракционизма) власти и бизнеса в политологическом дискурсе России получила название «партнерская модель» с ее вариациями «садовника» и «архитектора». Основой же взаимодействия двух секторов общества на региональном уровне стала формально-договорная норма [11. – С. 225], предусматривающая вклад каждой из сторон (с одной стороны, государства (федеральный, региональный и местный уровень), с другой – бизнеса) в экономический рост и устойчивое развитие региональных территорий.

Институциональная среда, дизайн территорий: индустриальные и промышленные парки в промышленной политике субъектов Российской Федерации

Главное, что отличает государственную промышленную политику в 2014–2021 гг., – это то, что в российских регионах формировалась качественная институциональная среда данной политики и институциональный дизайн, который, по мысли итальянского философа Роберто Верганти, представляет собой процесс наделения вещей смыслом. К примеру, инновации как элемент дизайна можно понимать как конкурентное преимущество (создавать не столько что-то качественное, сколько более осмысленное) [1].

Индустриальные и промышленные парки, приведенные в соответствие с федеральными стандартами в 2015 г., стали массовым явлением в регионах Российской Федерации, содействуя реализации в них стратегий преодоления деинституционализации, реиндустриализации и новой индустриализации (таблица). Являясь институтом развития, они выполняли и выполняют функции механизма и инструмента промышленной политики. Кроме того, они же являлись и являются компонентом институциональной среды и элементом институционального дизайна территории.

Индустриальные и промышленные парки ЦФО

Название региона	Количество индустриальных и промышленных парков
Белгородская область	6
Брянская область	1
Владимирская область	4
Воронежская область	5
Ивановская область	4
Калужская область	12
Костромская область	2
Курская область	2
Липецкая область	6
Московская область	33
Орловская область	2
Рязанская область	5
Смоленская область	2
Тамбовская область	2
Тверская область	5
Тульская область	1
Ярославская область	7

Впрочем, становление и развитие индустриальных и промышленных парков имели и имеют разное качество и инновационность в пространственно-временном континууме. Например, индустриальный парк «Северный» в Белгородской области был создан администрацией региона еще в 2009 г. (за шесть лет до профильного постановления правительства) во многом потому, что во второй половине нулевых годов органы власти и управления субъекта Российской Федерации поставили в повестку дня проблематику новой индустриализации данного региона. В итоге с 2009 по 2020 г. в Белгородской области было сформировано шесть индустриальных (промышленных) парков, ставших новыми точками промышленной «сборки» областной экономики. Речь идет о парках «Северный», «Фабрика», «Южный» Белгородского района, «Волоконовский (по названию районного центра), «Котел» в городе Старый Оскол (второй по величине город в субъекте России после Белгорода), «Комбинат» Красногвардейского района.

Синергетический эффект в региональной промышленной политике после запуска шести индустриальных и промыш-

ленных парков позитивно отразился на индексе промышленного производства [7. – С. 53].

Такие же тренды промышленного развития отмечены и в Калужской области, где было создано двенадцать индустриальных парков. Кроме того, стоит подчеркнуть, что, с одной стороны, на территории парков формировались производства автомобильных концернов: «Вольво», «Фольксваген», «Пежо – Ситроен – Мицубиси» и др., а с другой – на конец 2020 г. институты развития Калужской области, включая индустриальные и промышленные парки, осуществляют реализацию свыше 100 инвестпроектов, в том числе инновационных производств, подтверждая при этом тезис о том, что данные институты придают территориальным ресурсам новое качество, которое «способствует приумножению богатства» [5. – С. 55].

Индустриальные и промышленные парки вносят свой вклад и в реализацию стратегий реиндустриализации (вторая группа регионов ЦФО). Практика массового тиражирования данного института, за которой идет становление новых промышленных производств, характерна для Московской области (тридцать три парка на конец 2020 г.). Важно и то, что в процессе реиндустриализации идет модернизация или воссоздание производственных предприятий, работавших на территории региона во времена СССР, а также создаются с участием инвесторов современные предприятия с качественной продукцией, ориентированной на внешние и внутренние рынки (например, в индустриальном парке «Есипово» создано производство автотранспортных средств). Индустриальные и промышленные парки осуществляют приращение индекса промышленного производства и в Тамбовской области (ИП «Котовск» и ИП «Уваров»).

В третьей группе областей индустриальные и промышленные парки во многом реализуют миссию преодоления негативных последствий деиндустриализации. Во-первых, для части регионов парки ре-

шают задачу приращения промпроизводств и возвращения территориям индустриального статуса. Данные позитивные процессы происходят, к примеру, в Воронежской области (пять индустриальных парков), в Брянской области (один промышленный парк), в Орловской области (парки «Зеленая роща», «Орел»). Во-вторых, для другой части регионов этой группы парки решают более сложную задачу восстановления промышленного потенциала, утерянного в процессе деиндустриализации. Это характерно для Владимирской (шесть парков), Тверской (четыре парка), Ивановской (четыре парка), Смоленской (здесь лишь создают индустриальные парки «Феникс» и «Сафроново») и Костромской (два парка) областей.

Выводы

Исследуя роль индустриальных и промышленных парков в промышленном развитии регионов Российской Федерации, важно обратить внимание на ряд ключевых аргументов их ценности и полезности.

Во-первых, индустриальные и промышленные парки представляют собой массовый феномен участия данного института развития в осуществлении трех стратегий региональной государственной промышленной политики: 1) в преодолении негативных последствий деиндустриализации (группа регионов стратегического отстав-

ния); 2) реиндустриализации территорий (группа регионов-середняков); 3) новой индустриализации (группа успешных регионов). Автор исследований по теории рационального выбора Ю. Эльстер уделяет серьезное внимание ряду методологических принципов в функционировании институтов, что близко к нашему подходу в исследовании роли индустриальных и промышленных парков. В частности, он считает миссию института выполненной только тогда, когда институт получает широкое распространение. Институты, по его мнению, могут давать разные результаты (негативные и позитивные). Вместе с тем целесообразно просчитывать их совокупный эффект [18. – С. 162].

Во-вторых, индустриальные и промышленные парки в ракурсе роста индекса промышленного производства и экономического роста играют весомую роль. По мере тиражирования и масштабирования данного института в региональных территориях индустриальные и промышленные парки становятся фактором промышленной инфраструктурной стабильности.

В-третьих, эффективность индустриальных и промышленных парков закономерно видеть и с точки зрения среднесрочной (пять лет) и долгосрочной (десять – пятнадцать лет) перспективе.

Список литературы

1. *Верганти Р.* Инновации, направляемые дизайном: как изменить правила конкуренции посредством радикальных смысловых инноваций / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. А. Крыловой. – М. : Дело, 2018.
2. *Городецкий А. Е.* Государство и институциональный императив / под общ. ред. Р. С. Гринберга, А. Я. Рубинштейна : в 4 т. – Т. 4. Институты современной экономики / под ред. А. Е. Городецкого. – СПб. : Алетей, 2015.
3. *Джессон Б.* Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
4. *Доббин Ф.* Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли / авториз. пер. с англ. Е. Б. Головляницыной под науч. ред. В. В. Радаева. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.
5. *Друкер П. Ф.* Бизнес и инновации : пер. с англ. – М. : Вильямс, 2009.

6. Клейнер Г. Б. Реиндустриализация, ресайентизация, реинституционализация – ключевые задачи экономического возрождения России // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4 (46). – С. 34–39.
7. Когтева А. Н., Шевцова Н. М. Перспективность развития промышленных парков в Белгородской области // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2020. – № 1 (43). – С. 52–58.
8. Лахман Р. Государства и власть / пер. с англ. М. Дондуковского; под науч. ред. И. Чубарова. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
9. Нечаев Д. Н., Селиванова Е. С. К «новой индустриализации»: политические условия реализации региональной государственной промышленной политики в РФ (на примере областей ЦФО). – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018.
10. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости / отв. ред. Е. Б. Ленчук. – СПб. : Алетейя, 2016.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997.
12. Перегудов С. П. Корпорация, общество, государство: эволюция отношений. – М. : Наука, 2003.
13. Приоритеты и модернизация экономики России / под ред. И. Р. Курнышевой; науч. ред. С. Н. Сильвестров. – СПб. : Алетейя, 2011.
14. Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2007.
15. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н. В. Автономовой; под науч. ред. В. С. Автомова. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.
16. Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. – М. : Издательство «Э», 2018.
17. Шеер А.-В. Индустрия 4.0; от прорывной бизнес-модели к автоматизации бизнес-процессов / пер. с англ. О. А. Виниченко и Д. В. Стефановского; под науч. ред. Д. В. Стефановского. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
18. Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода А. Морозов. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2018.
19. Easton D. The Analysis of Political Structure. – New York; London : Routledge, Chapman and Hall, Inc., 1990.
20. Weiss C. H. Evaluation: Methods for Studying Programs and Policies : 2nd edition. – New Jersey : Prentice Hall : Upper Saddle River, 1998.

References

1. Verganti R. Innovatsii, napravlyaemye dizaynom: kak izmenit pravila konkurentsii posredstvom radikalnykh smyslovykh innovatsiy [Design-Driven Innovation: How to Change the Rules of Competition through Radical Semantic Innovations], translated from English by N. Edelman; scientific editor A. Krylova. Moscow, Delo, 2018. (In Russ.).
2. Gorodetskiy A. E. Gosudarstvo i institutsionalnyy imperativ [The State and the Institutional Imperative], edited by R. S. Grinberg, A. Ya. Rubinshteyn, in 4 vol. Vol. 4. Instituty sovremennoy ekonomiki [Institutions of Modern Economy], edited by A. E. Gorodetskiy. Saint Petersburg, Aleteyya, 2015. (In Russ.).

3. Dzhesop B. Gosudarstvo: proshloe, nastoyashchee i budushchee [The State: Past, Present and Future], translated from English by S. Moiseev; scientific editor D. Karasev. Moscow, Izdatelskiy dom «Delo» RANKHiGS, 2019. (In Russ.).
4. Dobbin F. Formirovanie promyshlennoy politiki: Soedinennye Shtaty, Velikobritaniya i Frantsiya v period stanovleniya zheleznodorozhnoy otrasli [Formation of Industrial Policy: The United States, Great Britain and France During the Formation of the Railway Industry], translated from English by E. B. Golovlyanitsyna, scientific editor V. V. Radaev. Moscow, Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2013. (In Russ.).
5. Druker P. F. Biznes i innovatsii [Business and Innovation], translated from English. Moscow, Vilyams, 2009. (In Russ.).
6. Kleyner G. B. Reindustrializatsiya, resayentizatsiya, reinstitutsionalizatsiya – klyuchevye zadachi ekonomicheskogo vrozozhdeniya Rossii [Reindustrialization, Reinventionalization, Reinstitutionalization – the Key Tasks of Russia's Economic Revival]. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia], 2015, No. 4 (46), pp. 34–39. (In Russ.).
7. Kogteva A. N., Shevtsova N. M. Perspektivnost razvitiya industrialnykh parkov v Belgorodskoy oblasti [Prospects for the Development of Industrial Parks in the Belgorod Region]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement], 2020, No. 1 (43), pp. 52–58. (In Russ.).
8. Lakhman R. Gosudarstva i vlast [States and Power], translated from English by M. Dondukovskiy; scientific editor I. Chubarov. Moscow, Izdatelskiy dom «Delo» RANKHiGS, 2020. (In Russ.).
9. Nechaev D. N., Selivanova E. S. K «novoy industrializatsii»: politicheskie usloviya realizatsii regionalnoy gosudarstvennoy promyshlennoy politiki v RF (na primere oblastey TSFO) [Towards "New Industrialization": Political Conditions for the Implementation of Regional State Industrial Policy in the Russian Federation (by the example of the Central Federal District Regions)]. Voronezh, Izdatelsko-poligraficheskiy tsentr «Nauchnaya kniga», 2018. (In Russ.).
10. Novaya promyshlennaya politika Rossii v kontekste obespecheniya tekhnologicheskoy nezavisimosti [The New Industrial Policy of Russia in the Context of Ensuring Technological Independence], edited by E. B. Lenchuk. Saint Petersburg, Aleteyya, 2016. (In Russ.).
11. Nort D. Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Changes and the Functioning of the Economy], translated from English by A. N. Nesterenko; preface and scientific editor B. Z. Milner. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. (In Russ.).
12. Peregudov S. P. Korporatsiya, obshchestvo, gosudarstvo: evolyutsiya otnosheniy [Corporation, Society, State: Evolution of Relations]. Moscow, Nauka, 2003. (In Russ.).
13. Prioritety i modernizatsiya ekonomiki Rossii [Priorities and Modernization of the Russian Economy], edited by I. R. Kurnysheva; scientific editor S. N. Silvestrov. Saint Petersburg, Aleteyya, 2011. (In Russ.).
14. Turovskiy R. F. Tsentr i regiony: problemy politicheskikh otnosheniy [Center and Regions: Problems of Political Relations]. Moscow, Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2007. (In Russ.).
15. Khedlund S. Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka. Sposoby obyasneniya sistemnogo provala [Invisible Hands, the Experience of Russia and Social Science. Ways to Explain the System Failure], translated from English by N. V. Avtonomov; scientific editor V. S. Avtonomov. Moscow, Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015. (In Russ.).
16. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution], translated from English. Moscow, Izdatelstvo «E», 2018. (In Russ.).

17. Sheer A.-V. Industriya 4.0; ot proryvnoy biznes-modeli k avtomatizatsii biznes-protsessov [Industry 4.0; from a Breakthrough Business Model to Business Process Automation], translated from English by O. A. Vinichenko, D. V. Stefanovskiy; scientific editor D. V. Stefanovskiy. Moscow, Izdatelskiy dom «Delo» RANKHiGS, 2020. (In Russ.).

18. Elster Yu. Kislyy vinograd. Issledovanie provalov ratsionalnosti [A Study of the Failures of Rationality], translated from English by I. Kushnareva; scientific translation editor A. Morozov. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2018. (In Russ.).

19. Easton D. The Analysis of Political Structure. New York; London, Routledge, Chapman and Hall, Inc., 1990.

20. Weiss C. H. Evaluation: Methods for Studying Programs and Policies. 2nd edition. New Jersey, Prentice Hall, Upper Saddle River, 1998.

Сведения об авторах

Дмитрий Николаевич Нечаев

доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры социально-гуманитарных
дисциплин Воронежского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: Воронежский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 394036, Воронеж,
ул. Карла Маркса, д. 36А.

E-mail: nechaevpolitia@rambler.ru

Ольга Романовна Любкина

аспирантка кафедры управления
социально-экономическими системами
и бизнес-процессами Воронежского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: Воронежский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»,
394036, Воронеж, ул. Карла Маркса, д. 36А.

E-mail: lyubkinao@bk.ru

Information about the authors

Dmitry N. Nechaev

Doctor of Political Sciences, Professor,
Professor of the Department for Social
and Humanitarian
of the Voronezh branch of the PRUE.

Address: Voronezh branch of the Plekhanov
Russian University of Economics,
36A Karl Marx Str., Voronezh, 394036,
Russian Federation.

E-mail: nechaevpolitia@rambler.ru

Olga R. Liubkina

Post-Graduate Student of the Department
Management of Socio-economic Systems
and Business Processes
of the Voronezh branch of the PRUE.

Address: Voronezh branch of the Plekhanov
Russian University of Economics,
36A Karl Marx Str., Voronezh, 394036,
Russian Federation.

E-mail: lyubkinao@bk.ru